

Юрий Бондарев

ВЗГЛЯД В БИОГРАФИЮ

Моим читателям

Эта статья является более или менее расширенным ответом на письма читателей, которые спрашивают о моей работе, о моем пути в литературе.

Первая повесть «Юность командиров» писалась в те годы, когда я был увлечен жанром рассказа, твердо убежденный, что только короткая, почти пейзажного рисунка лирическая новелла – мое призвание в литературе, моя судьба. Повесть или тем более роман, вещи объемные, со множеством героев, с длительным и подробным изложением событий – оба прозаические эти жанра представлялись мне недостижимыми, ибо рождали во мне полнейшую неуверенность в собственных силах и возможностях. Помню: подчас с неким даже трепетом брал я в руки солидные книги своих собратьев по перу, спрашивая себя, как хватило писателю терпения, воли, умения и, казалось, неиссякаемого воображения, чтобы начать и закончить ту или иную протяженную во времени вещь. К слову говоря, и сейчас это ощущение не покидает меня до того кульминационного момента, когда уже написана половина каждой новой вещи и литературные герои прожили в рукописи половину своей жизни.

Да, «Юность командиров» была попыткой познать «сладость и горечь» нового жанра, попыткой преодолеть в себе робость и страх перед неощутимым и как бы скрытым потемками концом работы, перед задуманными персонажами, которые, мнилось, не способны так долго жить

на страницах книги. И вот с этим преодолением я работал над повестью поразительно усидчиво и неутомимо, радуясь и огорчаясь, однако ожидая счастливого облегчения сразу после поставленной в конце рукописи последней точки. Полного же удовлетворения, закончив работу, я не почувствовал, как не испытываю, впрочем, этого счастливо-блаженного состояния и теперь, после завершения какой-либо своей работы. Потому что почти всегда за страницами книги остается то, что не смог изобразить так, как хотел, многое неуловимо ускользнуло, не поддавалось, не совсем так выразилось словами, ритмом, нервом эмоциональности. Видимо, такое состояние свойственно каждому, кто познал все сомнения человека, взявшегося за перо.

Что же касается «Юности командиров», то много лет спустя я со всей отчетливостью понял, что лично для меня это было некой дерзостью в переборении самого себя, своей школой в многотрудном жанре повести, тем более – романа. Без этой школы, без всех прежних сомнений я позднее никогда бы не осмелился сесть за стол на несколько лет для работы над повестями «Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Родственники», романами «Тишина», «Двое», «Горячий снег», написанными, кстати, совсем в другом ключе, чем первая повесть.

Должен сказать, что совсем недавно я внимательно перечитал повесть и стал править, местами переписывать ее со всей тщательностью. Но тут же, как говорится, несколько сдержал руку, подумав, что глубокой корректурой рискую убрать из книги излишнюю, может быть, лиричность ее, некоторую наивность, чистую непосредственность молодости, то есть рискую внести

свое сегодняшнее, что угрожало бы разрушить давнее, молодое, как воспоминание о первой любви. Поэтому я не стал трансформировать характеры героев, чем-то дорогих мне, а сделал лишь сокращение вместе со стилистической правкой, решив не нарушать временных закономерностей.

Нередко мне кажется, что я уже написал большой роман о войне и послевоенных годах, о своем поколении и все, что знаю, что беспокоит меня, высказал в нем. Но это только кажется, и, видимо, потому, что постоянно с какой-то радостной болью думаю о будущей вещи, мне часто снятся будто бы уже написанные страницы, сцены, эпизоды. Не этот ли ненаписанный роман заставляет меня все время работать?

Повести «Батальоны просят огня» и «Последние залпы» родились, я бы сказал, от живых людей, от тех, которых я встречал на войне, с которыми вместе шагал по дорогам сталинградских степей, Украины и Польши, толкал плечом орудия, вытаскивая их из осенней грязи, стрелял, стоял на прямой наводке, спал, как говорят солдаты, на одном котелке, ел пропахшие гарью и немецким толком помидоры и делился последним табаком на закрутку после танковой атаки.

Со многими фронтовиками, кто остался в живых, я не смог встретиться после войны: судьба разбросала нас в разные стороны. Но эти люди как бы все время жили рядом со мной: я и сейчас хорошо помню их лица, их манеру говорить, их смех или выражение гнева, их жесты и привычки.

В состоянии некой одержимости я писал эти повести, и меня все время не покидало чувство, что возвращаю в жизнь тех, о которых никто ничего не

знает и о которых знаю только я, и только я должен, обязан о них рассказать все.

У одного из моих героев – капитана Новикова – и взрослого, и «мальчика, рано начавшего носить оружие», – много прототипов. Я не списывал этот образ с определенного человека. Я хотел отдать все значительные черты моего воевавшего поколения этому герою и пытался создать образ в какой-то степени типичный в моем понимании того времени. Не скрою, мне хотелось, чтобы капитана Новикова полюбили. Видимо, каждый неравнодушен к своему поколению и хочет напомнить о нем с ревнивой любовью.

То же самое, что я говорил о Новикове, относится и к образам Лены, и младшего лейтенанта Алешина, и лейтенанта Овчинникова, к солдатам Колокольчикову, Горбачеву, Сапрыкину.

Что касается эпизодических лиц, то я списывал их вроде бы с натуры: здесь на помощь приходила память. Так написаны майор Гулько, солдат Богатенков, сержант Степанов, Порохонько, Лягалов.

Хотелось бы повторить: есть писатели, которые как можно полнее и подробнее хотят рассказать о своем поколении. Кажется, я тоже отношусь к ним; и мысль о том, что я еще так мало рассказал о близких по жизненному опыту мне людях, постоянно беспокоит меня.

Литературная работа чрезвычайно индивидуальна. Лев Толстой не ездил в специальные командировки, но обладал гениальным душевным опытом, прожив сложнейшую жизнь. Иван Бунин исколесил половину мира, но лучшие вещи написаны им не о путешествиях, а о России, по которой он тосковал и которую чувствовал, помнил и знал превосходно. Если у писателя

не было биографии, он не сможет создать ее искусственно, он может ее только пополнить. Между тем жизнь современного писателя настолько насыщена, что необходимо лишь подробно осмысливать ее. Материал лежит везде. Оторванность от жизни – это не норма, а болезнь, и довольно редкая. Мне не совсем понятно, что значит ездить за сбором материала намеренно, задавшись целью написать роман или повесть. Как это можно – отобрать и выбрать живую жизнь, не являясь ее действующим лицом? Боюсь, что таким образом появляется опасность втиснуть необъятное в железный корсет иллюстративности. Роман невозможно привезти из командировки. Роман задумывают и обдумывают задолго до того, как куплен билет на поезд. Ибо почти каждый писатель знает, о чем хочет писать, но порой не знает как. Нужно, разумеется, ездить и жить некоторое время вдали от письменного стола, но жить как все, ничем не выделяясь, жить не как писатель. Никто не должен видеть твоего блокнота. Ездить необходимо для того, чтобы полнее ощутить реальные детали, звуки, запахи времени. Можно, наконец, поехать по какому-то внутреннему толчку, ожидая некой искры возбуждения в самом себе – где-то далеко от Москвы, в знакомых или незнакомых местах. Но повторяю: уже мучаясь чем-то, а не раскрыв заранее блокноте готовностью «взбодрить повестушку», как когда-то хорошо сказал Твардовский. Добавлю, кстати, что мне лично помогла одна давняя поездка на Урал...

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66